

Глава 4

«Что случилось с твоим голосом?»

Цзи Цинъюй прочистил горло, но ничего не сказал. Он все равно не знал, что ответить.

Фу Хань спросил это вскользь, а затем добавил: «Слишком взволнован предстоящей свадьбой? Разве это не то, чего ты хотел?»

Цзи Цинъюй помолчал, затем жестко встретил взгляд Фу Ханя. Лицо Фу Ханя было бесстрастным, губы плотно сжатыми, выражение лица совершенно холодным.

Цзи Цинъюй не понимал, как Фу Хань пришел к такому выводу. Он открыл рот, чтобы оправдаться, но его мысли вернулись к больничной койке — железа снова начала тупо пульсировать.

Фотограф уже ждал внизу вместе с репортерами. Они вошли в лифт один за другим. В таком тесном, замкнутом пространстве не было возможности сбежать. Воздух казался почти застоявшимся. Голос Фу Ханя раздался над ним: «Выпрями спину. Улыбнись».

«О...» — пробормотал в ответ Цзи Цинъюй.

Как только они вышли из лифта, Фу Хань обнял его за плечи.

Цзи Цинъюй опустил голову, волосы закрывали ему обзор. Он улыбнулся слабо и дрожаще, но уголки его рта не хотели держать эту улыбку. В конце концов, он просто сдался.

Взгляд Цзи Цинъюя снова отвлекся. Он подумал о Фу Хане в восемнадцать лет — казалось, у Фу Ханя никогда не было недостатка в поклонниках. Красивые омеги порхали вокруг него, как бабочки, прилетая и улетающая, ни один из них не задерживался надолго.

В старшей школе единственное, что объединяло Цзи Цинъюя и Фу Ханя, было предпочтение уединенных мест. Однажды, идя по короткой дорожке в класс, он увидел, как Фу Хань прижал омегу к стене, выбирая, куда укунить. Эта уверенная, хищная поза вызвала у Цзи Цинъюя дрожь по спине.

Омега дрожал всем телом, с трудом сдерживая задыхающиеся вздохи. Цзи Цинъюй испугался — его зубы невольно застучали, ноги подкосились, и он едва мог двигаться.

Он намеревался тихо ускользнуть, но прежде, чем он успел отступить, взгляд Фу Ханя скользнул в его сторону, полный раздражения.

Цзи Цинъюй застыл от страха.

Фу Хань уставился на него, и через несколько секунд на его лице расцвела злая улыбка. Не отрывая взгляда, он медленно впился зубами в шею омеги.

Шея Цзи Цинъюя начал пульсировать от боли. До его ушей донесся скользкий, влажный звук. Он отступил назад, случайно раздавив под ногами веточку — хрусткий щелчок громко эхом разнесся по лесу. Омега в испуге спросил: «Что это был за звук?»

Цзи Цинъюй в ужасе убежал.

Это был первый раз, когда он стал свидетелем желания альфа-самца вблизи. Видя уязвимого омегу, прижатого к стене, он как будто уловил проблеск своей собственной судьбы.

Вспышка фотоаппарата вернула его в настоящее. Репортер прорвался через охрану и бросился к нему, сунув микрофон ему в лицо.

Не давая репортеру задать вопрос, Фу Хань прижал Цзи Цинъюя к себе. Рука Фу Ханя прижалась к его затылку, а лицо Цзи Цинъюя уткнулось в наполовину расстегнутую рубашку Фу Ханя, так близко, что он мог слышать биение его сердца.

Тепло и вибрация одновременно пронзили его, и от этого жужжащего ощущения щеки Цзи Цинъюя покраснели.

Как будто опасаясь, что Цзи Цинъюй испугался, Фу Хань дважды погладил его по голове, а затем нежно погладил по волосам. Для Цзи Цинъюя это не отличалось от поглаживания собаки.

«Не бойся», — успокоил его Фу Хань.

Цзи Цинъюй на самом деле не боялся — он просто чувствовал себя неловко, вынужденный играть перед всеми. Кроме того, он не хотел, чтобы его использовали в качестве топлива для слухов о отношениях Цзи Жаня и Фу Ханя.

Вспышки фотоаппаратов продолжали раздаваться.

Затем репортер обратился к Фу Ханю: «Правда ли, что вас познакомил Цзи Жань? Мы слышали, что раньше вы были ближе с Цзи Жанем?»

«Мой жених и я были одноклассниками в старшей школе. После окончания школы мы потеряли связь, но судьба вновь свела нас вместе. Я считаю себя очень счастливым».

«Так у вас тогда были к нему чувства?»

«...Да, я любил его даже тогда».

Рука Фу Ханя переместилась с головы Цзи Цинъюя на его талию, сжимая ее с некоторой силой. Он уклонился от вопроса о Цзи Жане, заслонив Цзи Цинъюя от репортеров, когда они продвигались вперед.

Цзи Цинъюй поднял руку, чтобы прикрыть повязку на шее. Он знал, что должен играть свою роль вместе с Фу Ханем — преданным новым партнером, — но он никогда не был хорошим актером.

Пока он был погружен в раздумья, рука Фу Ханя прикрыла его шею и толкнула его в машину, прежде чем камеры успели запечатлеть это. Тепло было мимолетным, оставив после себя покалывание, которое вызывало у него беспокойство.

Как и следовало ожидать, ответив журналистам с такой нежностью, Фу Хань сразу же оттолкнул его, как только они оказались в машине.

«Ты действительно очень робкий», — Фу Хань откинулся на сиденье и призвал: «Давай поскорее закончим эту фотосессию. У меня есть другие дела».

«Фу Хань, можно задать тебе вопрос?» Цзи Цинъюй попытался успокоиться и набрался смелости, чтобы заговорить.

Фу Хань на мгновение замолчал, нетерпеливо нахмурившись, а затем посмотрел на него. «Спрашивай».

«Почему ты согласился на брак со мной?» Голос Цзи Цинъюя по-прежнему был хриплым, мрачным и низким — таким, что раздражал даже его самого.

Фу Хань не нуждался во времени, чтобы подумать. Он презрительно фыркнул.

«Это брак по расчету. Если это приносит выгоду, какая разница, ты это или кто-то другой? Ты же не мечтаешь о каких-то нереальных фантазиях, правда?» Фу Хань смотрел на него с улыбкой. «Хотя я удивлен, что ты осмелился выйти за меня замуж, имея постоянный шрам. Ты действительно не изменился — все еще не раскаялся».

Раскаялся? Он не сделал ничего плохого в то время. За что ему раскаиваться?

Цзи Цинъюй не обращал внимания на насмешки Фу Ханя. Обычно он не обращал внимания на то, что не хотел слышать. Но Фу Хань резким движением схватил Цзи Цинъюя за подбородок,

сжимая его так сильно, что у того на глаза навернулись слезы. Голос Фу Ханя стал еще холоднее: «В конце концов, ты бы все равно вышел замуж за кого угодно?»

Цзи Цинъюй моргнул и замолчал.

В словах Фу Ханя не было ничего неправильного. Они были логичны.

В машине воцарилась тишина. Фу Хань подпер подбородок рукой и уставился в окно, а Цзи Цинъюй еще глубже спрятал лицо в воротнике.

Они не испытывали друг к другу никаких чувств. Их заставили сойтись исключительно ради блага их семей.

Это было мучительно. Воздух казался ледяным. Цзи Цинъюй потянул за одежду, съежившись в углу машины.

Фотосессия прошла быстро и гладко. Они оба двигались как марионетки под руководством фотографа. После ее окончания Фу Хань попросил водителя отвезти Цзи Цинъюя домой, а сам остался, зажигая сигарету на обочине дороги.

Цзи Цинъюй наблюдал, как фигура Фу Ханя удаляется. Фу Хань снова надел свой плащ и выглядел как модель с модного плаката — высокий, с длинными ногами, излучающий дикий, но утонченный шарм с головы до ног.

Цзи Цинъюй вернулся домой, рухнул на кровать и уставился в пустой потолок.

Он держал в руках свадебные фотографии, присланные фотографом. Визажист сделал его снова восемнадцатилетним. На фотографиях они оба выглядели идеальной парой.

После того как он лег на кровать, он пролежал некоторое время, а затем встал и поместил фотографию в альбом.

Альбом был старым, его пластиковая обложка уже износилась и порвалась. Он посидел немного в своей маленькой скромной однокомнатной квартире, а затем открыл ящик, чтобы взять чистую повязку. Он продезинфицировал рану йодом и сменил повязку.

В одиночестве он обработал рану перед зеркалом, кривляясь от боли.

Интенсивные уроки этикета последних нескольких дней оставили его тело в боли. Рана не показывала признаков заживления, все еще сочится кровью. Он лежал на диване, смотрел телевизор и погрузился в туманный сон.

В его сне его восемнадцатилетний двойник сидел рядом с ним. Цзи Цинъюй посмотрел на него, и тот ответил ему взглядом.

Молодой человек был полон энергии, и когда он улыбался, на его щеках появлялись слабые ямочки — он был мягким и нежным. Прислонившись к дивану, он спросил: «Как продвигается написание песен? Кому-нибудь они понравились? Кто-нибудь тебя полюбил?»

«А?» — сонно ответил Цзи Цинъюй. «Не волнуйся, я все еще пытаюсь».

Восемнадцатилетний Цзи Цинъюй смотрел на него спокойным взглядом. «Почему ты мне врешь? Разве ты не видел, что у меня перерезано горло?»

Цзи Цинъюй запнулся: «Нет, нет. Ты в порядке — ты совершенно в порядке. Твой голос в порядке. Он не испорчен».

Он вскочил, спина его была мокрой от холодного пота.

Проекция снаружи окна падала на простыню, как шахматная доска бледных иллюзий. Он смотрел на луну у окна, смотрел бездумно, как ему казалось, целую вечность — именно под этой же луной кто-то когда-то прислонился к окну, слушая, как он поет.

Он разбил стеклянное окно, и из его руки хлынула кровь. Боль немного прояснила его голову. Он вылез из постели, спотыкаясь, сжимая раненую руку, отчаянно ища бинты, чтобы перевязать рану. В этот момент зазвонил телефон — на дисплее было написано «Цзи Жань».

Да, конечно, это был он. Только он мог звонить в любое время, не обращая внимания на время. Даже после того, как он засунул ему в горло таблетки, он все еще любил играть в эту игру в братьев.

Цзи Цинъюй обычно подыгрывал ему, но сегодня у него не было настроения, поэтому он нажал кнопку «Завершить вызов».

Телефон продолжал настойчиво звонить. Он перевернул его и прислонился к окну, уставившись на бабочек, кружащих в небе, пока не начало светать и звонок наконец не прекратился.

В тот день была плохая погода — с утра шел мелкий дождь, который не прекращался. Врач появился первым делом, чтобы сообщить ему, что состояние Линь Ин колеблется и что на некоторое время будут запрещены посещения, и призвал Цзи Цинъюя поспешить.

Цзи Цинъюй надел коричневую куртку, поправил воротник, позавтракал в магазине паровых булочек внизу, выпил две чашки растворимого кофе и поспешил туда.

У входа в метро он купил два небольших букета маргариток. К тому времени, когда он добрался до больницы, ему стало жарко, и он снял куртку, оставив на себе только рубашку с короткими рукавами.

Он посмотрел на Линь Ин, рядом с которой пищал монитор электрокардиографа. Ему нечего было сказать, он только попросил врача продезинфицировать его, чтобы он мог войти и взять мать за руку.

Врач посмотрел на него и вздохнул.

«Хорошо, три минуты. Только три минуты, а потом вы должны сразу выйти», — остановил врач Цзи Цинъюя. «Вы не можете заносить цветы. У пациента низкий иммунитет — это может вызвать шок».

Цзи Цинъюй кивнул. Врач опрыскал его большим количеством дезинфицирующего средства, а затем затолкнул его внутрь, прежде чем дверь снова закрылась.

Цзи Цинъюй подошел и взял Линь Ин за руку. Он чувствовал себя немного нервно и решил поговорить о самых счастливых вещах, которые мог вспомнить — о том, что его ученик планирует поставить с ним спектакль, о том, что он снова пишет песни, и о том, что он собирается жениться.

«Хотя этот человек немного вспыльчив, он не безрассуден. Ну... он очень богат, так что скоро мы сможем жить в большом доме. Мне кажется, что жизнь постепенно становится лучше».

Цзи Цинъюй попытался имитировать своего восемнадцатилетнего «я», натянув на лицо более яркую улыбку. Он посмотрел на руку Линь Ин и заметил много мозолей, оставшихся от многолетней работы с рыбой.

Он проследил за ними одну за другой и сказал: «Мама, пожалуйста, проснись скорее».

Тонкая, хрупкая рука слегка дернулась, как будто в иллюзии. Цзи Цинъюй замер.

Три минуты пролетели быстро. Врач постучал по стеклу, призывая его уйти. С неохотой он вышел и с удивлением сказал врачу: «Вы видели? Ее рука только что шевельнулась».

Врач, казалось, немного пожалел его и сочувственно улыбнулся в знак согласия. «Да, господин Цзи. Если она переживет этот тяжелый период, ее состояние должно начать улучшаться».

«Господин Цзи, завтра ваша свадьба, верно? Желаю вам счастливого брака».

Для вас старалась команда Webnovels

Заметили опечатку или неточность? Напишите в комментариях — и мы отблагодарим вас бесплатной главой!

<http://bllate.org/book/15790/1413138>